

ВЫГОТСКОВЕДЕНИЕ
VYGOTSKOLOGY

**Лев Выготский: кто мы, откуда и куда?
(К вопросу о национально-религиозной идентичности)**

В.С. Собкин*,

ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Т.А. Климова**,

АНО ВПО МПУ, Москва, Россия,
t-klim@list.ru

В публикации представлены текст статьи Л.С. Выготского «Avodim hoinu» (1917) и развернутые комментарии к нему. Статья — последняя из трех ранних работ, которые условно можно объединить в триптих, посвященный проблеме соотношения национально-религиозных традиций и современности. Текст статьи и комментарии позволяют расширить представление о личностно-смысловой позиции молодого Выготского в ситуации политической и ценностно-нормативной неопределенности; помогают реконструировать особенности социально-политического и национально-этического самоопределения ученого; уточнить основания, которые ценностно определяют фундамент культурно-исторического подхода. В комментариях к статье фиксируется своеобразие позиции Выготского по отношению к событиям в России в предоктябрьский период 1917 года. Подчеркивается философско-культурный масштаб и полифоничность многоуровневого диалога, в который включен Выготский как автор статьи. Отмечается связь тем, поднятых в статье (переживание, проблема выбора, волевое поведение, сознание), с последующими темами собственно психологических работ Выготского. Отдельная линия комментариев связана с анализом стилистики и композиционного построения статьи.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, психология переживания, религиозный опыт, проблема выбора, национально-религиозное самоопределение, стилистические особенности.

**Lev Vygotsky: Who Are We? Where Do
We Come From and Where Are We Heading For?
(On the Question of National and Religious Identity)**

Для цитаты:

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский: кто мы, откуда и куда? (К вопросу о национально-религиозной идентичности) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 116–125. doi: 10.17759/chp.2018140113

For citation:

Sobkin V.S., Klimova T.A. Lev Vygotsky: Who Are We? Where Do We Come From and Where Are We Heading For? (On the Question of National and Religious Identity). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 116–125. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140113

* Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, Институт управления образованием РАО, Москва, Россия. E-mail: sobkin@mail.ru

** Климова Татьяна Анатольевна, ст. преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Московский православный университет имени Св. Иоанна Богослова (АНО ВПО МПУ), Москва, Россия. E-mail: t-klim@list.ru

Sobkin Vladimir Samuilovich, PhD in Psychology, Director of the Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: sobkin@mail.ru

Klimova Tatiana Anatolyevna, Senior Lecturer, Chair of General and Applied Psychology, Moscow Orthodox Institute of St. John Theologian, Moscow, Russia. E-mail: t-klim@list.ru

V.S. Sobkin,

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

T.A. Klimova,

Moscow Orthodox Institute of St. John Theologian, Moscow, Russia,
t-klim@list.ru

The paper presents the text of the article by L. S. Vygotsky "Avodim hoinu" (1917) along with detailed comments to it. This article is the last in what may be called a Vygotskian triptych of early works devoted to the problem of complex relationships between national and religious traditions and contemporary times. The text of the article, along with the comments, provides an insight into personal attitudes of the young Vygotsky in a situation of political uncertainty as well as uncertainty of values and norms. It helps to reconstruct the features of socio-political and national-ethical self-determination of the scientist; to clarify the grounds that determine the value foundation of the cultural-historical approach. The comments to the article highlight the original character of Vygotsky's attitude towards the events of Russia's pre-October period of 1917. We emphasize the philosophical and cultural scale and polyphonic character of the multi-level dialogue that involves Vygotsky as the author of this article. There is a certain connection between the topics raised in the article (experience, the problem of choice, volitional behavior, consciousness) and the topics that would appear in Vygotsky's works in psychology later. A separate line in our comments focuses on the style and composition analysis of the article.

Keywords: cultural-historical psychology, psychology of experience, religious experience, the problem of choice, national and religious self-determination, stylistic features.

Публикуемая статья Выготского «Avodim hoinu» является последней в цикле из трех его ранних работ, которые были напечатаны в еженедельнике «Новый путь» в 1916–1917 гг. [9; 10; 12]. Двум предыдущим («Траурные строки» и «Мысли и настроения») были посвящены наши публикации в этом журнале за 2017 год [32; 33]. Острое переживание Выготским своей причастности к прошлому, настоящему и будущему объединяет их в своеобразный триптих. Осмыслить эту взаимосвязь, попытаться восстановить «порвавшуюся связь времен» через собственные переживания происходящего в России культурно-исторического перелома и стремился двадцатилетний автор. Сразу же отметим, что связь упомянутых нами трех статей с шекспировской темой «времени, вышедшего из колеи», на наш взгляд, не случайна. Дело в том, что буквально за полгода до этого Выготский закончил свой «Этюд о Гамлете», где он дал развернутый психологический анализ, характеризующий своеобразие трагического мироощущения. И этот эмоциональный нерв реальной Исторической Трагедии накануне Октябрьских событий, безусловно, почувствует читатель, знакомясь с данной статьей.

Взятые Выготским в название своей статьи слова «Avodim hoinu» в переводе с древнееврейского означают: «рабами были мы». Запечатленные в памяти каждого еврея, причастного национально-культурной традиции, эти слова из Пасхальной Агады связаны с темой Исхода евреев из Египта и ритуалом праздника Песах. Это обстоятельство необходимо учитывать для прояснения важного смыслового нюанса статьи, поскольку она была опубликована в марте 1917 года, т. е. именно в праздничные пасхальные дни. Таким образом, статья и есть живой *личностный отклик* автора на актуализацию в повседневности

исторических событий жизни своего народа. По своей стилистике и эмоциональному строю она может рассматриваться как «тост на пасхальной трапезе».

В то же время, в отличие от предыдущих двух статей этого цикла, которые были написаны в 1916 году и связаны с переживаниями событий на фронтах Первой мировой войны, здесь акцент ставится не на *прошлом*, а именно на *будущем*: что означает свершившаяся месяц назад Февральская революция 1917 года для российского еврейства? Обращаясь к пасхальной теме — выходу из рабства — Выготский и фиксирует основное эмоциональное противоречие, определяющее своеобразие этого состояния как конфликт между надеждой и страхом.

Для разрешения ситуации ценностно-нормативной неопределенности Выготский осуществляет особую реконструкцию по поиску смысла современных событий через переживание событий прошлого, выбирая для этого исторический аналог такой ситуации, где данное состояние выступает в наиболее отчетливой и ясной форме.

Само же разрешение ситуации неопределенности связывается Выготским с проблемой *выбора* евреями своего *исторического пути* его философско-психологическими и политическими основаниями. Подчеркнем, что впоследствии в его фундаментальных психологических работах эта тема будет прорабатываться уже как *общепсихологическая проблема выбора*. Это центральный сюжет, в рамках которого происходит рассмотрение психологических механизмов произвольного поведения, его формирования в фило- и онтогенезе с помощью использования особых знаковых средств. А это, подчеркнем, и есть один из главных моментов, определяющих своеобразие культурно-исторического подхода Выготского-психолога. Однако здесь, в ранней работе (это на наш

взгляд крайне важно), *знак* задан в наиболее сложной форме, в форме *сказания* («нарратива»), мифа.

В статье Выготский уделяет особое внимание теме «философии рабства» своего народа, проблеме национальной самоидентификации и негативным чувствам унижения, стыда, позора, связанным с повседневностью еврейской жизни. Следует отметить, что психологический анализ *содержания переживания* в ситуации выбора (шире — самоопределения), к сожалению, в последующих работах представителей, причисляющих себя к этому направлению, в дальнейшем практически не развивался.

В контексте рассмотрения Выготским выбора исторического пути важное место занимают и волевые аспекты (*безволие/воля к жизни*). Он также затрагивал эту тему в своей работе о Гамлете. Однако в статье «Avodim hoinu» проблематизация осуществляется не на уровне индивидуальной психологии, а как важнейшая особенность общественного сознания; выбор — как проблема массовой психологии. Подобная проекция в плоскость массового сознания выявляет своеобразие целевых аспектов, где важная роль отводится телеологической причинности. Это задает совершенно особый ракурс рассмотрению вопросов о соотношении воли, сознания и переживания.

Важное место в статье занимает обсуждение социально-политических тем, касающихся исторического пути еврейского народа и современных политических противоречий в России предреволюционного периода. И здесь особый интерес представляет *неявный* для современного читателя *диалог* между представителями различных еврейских политических направлений: ассимиляторами, автономистами и сионистами. Между тем, Выготский в своей статье выступает активным участником этого *неслышимого* сегодня *диалога*. Поэтому в своих комментариях к

статье мы уделили особое внимание выявлению содержащихся в ней неявных цитирований (В. Жаботинский, А. Горнфельд, К. Чуковский и др.). Принципиально важно и то, что тему самоопределения Выготский обсуждает, не ограничиваясь узко-национальными рамками, а включает в общий контекст и аргументы Ф. Достоевского, В. Розанова, В. Брюсова и др. о своеобразии национально-религиозного пути. Текст статьи внутренне диалогичен и полифоничен. Это и задает особый масштаб обсуждаемым темам.

Добавим, что в этом отношении статья не потеряла своей актуальности и сегодня, сто лет спустя. Это стоит подчеркнуть. Ее актуальность и современность в первую очередь обусловлены тем, что политические сюжеты рассматриваются Выготским под углом зрения нравственных оценок, в контексте понятия о Добре и Зле. Таким образом, вне проблемы нравственного выбора теряет смысл и проблематика национального самоопределения, национальной самоидентификации. И в этом отношении статья «Avodim hoinu» о выборе национально-политического будущего была для Выготского и лично значимой.

И, наконец, предваряя статью, важно подчеркнуть, что ее автор с надеждой смотрит в будущее, противопоставляя *декаданс ренессансу* еврейского народа. Условием для подобного оптимизма является особое целевое усилие. Ресурсом для этого является аккумуляция волевой энергии прошлого своего народа, а это и есть особое переживание исторического опыта.

Avodim hoinu¹

Пафос переживаемой исторической минуты² есть не только пафос величественной и торжественной радости освобождения от гнетущей власти прошлого,

¹ *Avodim hoinu* — впервые опубликована в еженедельнике «Новый путь» (№ 11–12 от 24 марта 1917 года, стб. 8–10). Перепечатана с предисловием А. Козулина и незначительными редакторскими правками в соответствии с нормами современного русского языка в журнале «Панорама Израиля» (1989 году, № 258); включена также в качестве Приложения в книгу С.Ф. Добкина «Л.С. Выготский. Начало пути» [17; 102–106]; указана в «Полной библиографии работ Л.С. Выготского», составленной Т.М. Лифановой (Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 137–157) [23]. Данная статья является последней в выделенном нами цикле из трех статей Выготского, куда входят еще две («Траурные строки» и «Мысли и настроения»), которые были ранее опубликованы также в журнале «Новый путь» (1916. № 27 и № 48–49) и посвящены сопоставлению современной общественно-политической ситуации в России с важнейшими историческими событиями жизни еврейского народа [9; 10; 32; 33].

Avodim hoinu — в переводе с древнееврейского означает: «рабами были мы». Это слова из Пасхальной Агады (сборника молитв, благословений, комментариев к Торе, прямо или косвенно связанных с темой Исхода евреев из Египта и ритуалом праздника Песах). Еврейская Пасха (Песах) — центральный иудейский праздник в память об Исходе из Египта (в отличие от Христианской Пасхи, которая связана с Воскресением Христа и означает победу жизни над смертью — «смертью смерть поправ»). Песах начинается на четырнадцатую ночь весеннего месяца нисан, в память о той ночи, когда были спасены еврейские первенцы (Библия. Исх. 12:22–23), и празднуется в течение восьми дней (в Израиле семь дней). По календарю 1917 года Песах приходился на 24 марта, — таким образом, эта статья Выготского была опубликована именно в праздничные пасхальные дни и по своей стилистике, эмоциональному строю она может рассматриваться как «тост на пасхальной трапезе».

Праздник Песах — это праздник свободы, в память об исходе из Египта; сопровождается сложным ритуалом (чтение Пасхальной Агады, проведение особой трапезы в соответствии с традицией и т. д.), который направлен на то, чтобы каждое следующее поколение евреев смогло ощутить выход из Египта как собственный. Событие Исхода из Египта описано в Ветхом завете (Библия. Быт. 15:13). Важным моментом празднования Песах являются ответы на вопросы. Один из них: почему отличается эта ночь от всех других ночей? Ответ: *рабами мы были (Avodim hoinu)* у фараона в Египте, и Г-сподь, Б-г наш, вывел нас оттуда рукою крепкой и мышцей простертой. И если бы Святой, Благословен Он, не вывел наших предков из Египта, то мы с детьми и внуками нашими были бы порабощены фараоном в Египте. Таким образом, подчеркнем, что фраза, вынесенная Выготским в название статьи — *Avodim hoinu* — запечатлена в памяти каждого еврея, который причастен национально-культурной традиции.

² *Пафос переживаемой исторической минуты...* — уже в самом начале, в первой фразе, Выготский определяет основную содержательную направленность всей статьи: оценка современных событий как исключительных, имеющих принципиальное историческое значение; это «живая агада», «живая история, которая творится здесь и сейчас». При этом, в отличие от предыдущих двух статей этого цикла («Траурные строки» и «Мысли и настроения»), написанных в 1916 году, здесь акцент ставится не на прошлом, а именно на будущем: что означает свершившаяся месяц назад Февральская революция 1917 года для еврейского народа?

но, главным образом, пафос страха за будущее³. Не так ли точно должны были чувствовать выходцы из Египта, только что переступившие его границы, оставившие за собой привычное и обычное ярмо рабского существования, — когда перед ними встали и раскрылись безмерные серые дали бескрайней пустыни? Что будет? Куда идти? Кто знает, где верный путь?

Еще вчера все было понятно и ясно: мы так сжились со всем вчерашним днем. У нас выработалась и укоренилась своя философия рабства⁴, и вчера еще единой добродетелью была «готовность взойти на костер»⁵. Связанному, в конце концов, все ясно: ему не надо му-

чительно вопрошать: что делать? Но сегодня неожиданно и внезапно, вдруг — руки развязаны, нечаянно обретена свобода распоряжаться собой, что-то делать, двигаться, куда-то идти. Еще не создалась свободная походка, еще нет свободных слов, еще не пережить сознанием совершившийся переворот, еще старая душа в старом теле живет, радуется, трепещет и встречает новый день. Новый день застал нас не готовыми.

Avodim hoinu. Воля еврейства была связана. История еврейства, говорит Ф. Неман, «редко история актов, а чаще всего история страданий, гораздо меньше история того, что евреи делали, а гораздо больше

Подчеркнем, что политическая и социокультурная ситуация в эти дни менялась стремительно. Отметим лишь несколько моментов, происходящих на конец марта 1917 года. Так, 20 марта 1917 года состоялось первое публичное собрание сионистов России, на котором присутствовало семь тысяч человек. Буквально на следующий день (21 марта 1917 года) Временное правительство России приняло постановление об отмене вероисповедательных и национальных ограничений. По этому поводу Центральное бюро Национального фонда евреев России опубликовало воззвание, где отмечалось: «На наших глазах совершается величайшее событие в истории русского еврейства, и поистине счастливо то поколение, которому суждено быть свидетелем этого исторического момента... нам еще трудно обнять все значение этого события во всей его полноте. Бесправие так опутало всю нашу жизнь, так проникло во все поры нашего повседневного обихода, что мы сразу не можем охватить всей совокупности завоеванных благ гражданской свободы». Чуть позже (26 марта 1917 года) князь Г.Е. Львов (на тот период глава Временного правительства) послал в адрес «Альянс Израэлит Универсаль» (Всемирный союз израэлитов) заявление о том, что Россия будет уважать вероисповедание граждан своей страны. В тот же день в Петрограде прошла конференция русского еврейства, в ходе которой была сделана попытка определить будущее евреев в новом государственном устройстве России (подробнее см.: Маор Ицхак «Сионистское движение в России») [25]. Следует отметить, что Выготский отслеживает и лично переживает эти события. Так, в дальнейшем (вплоть до сентября 1917 года) в еженедельнике «Новый путь» появляются его публикации, посвященные анализу политической жизни еврейского населения России [10; 11; 13; 14]. Подробнее см. нашу публикацию «Лев Выготский к вопросу о политическом самоопределении» [30].

³ ...*пафос страха за будущее* — здесь стоит отметить три момента. Во-первых, явную отсылку к Библейскому сюжету, к характеристике того состояния, которое испытывали евреи при подходе к Земле обетованной: «...и роптали в шатрах ваших и говорили: Господь, по ненависти к нам, вывел нас из земли Египетской, чтоб отдать нас в руки Аморреев и истребить нас» (Библия. Второзаконие. 1: 27). Во-вторых, именно эти чувства страха и тревоги еврейского населения относительно будущего отмечает Выготский в своей предыдущей публикации «На улицах Москвы», опубликованной за две недели до этого [11], в ней в форме небольших репортажных зарисовок описаны противоречивые эмоциональные состояния (радость, страх, неуверенность перед будущим) еврейского населения Москвы, буквально на следующий день после Февральской революции. Этой же теме он коснется и позднее, в публикации «Провинциальные заметки», где отмечается *тревожное всматривание в «погромные горизонты»* [15]. В-третьих, акцент на описании страха за будущее явно перекликается с приведенной выше цитатой из воззвания Центрального бюро Национального фонда евреев: *бесправие опутало всю нашу жизнь, проникло во все поры нашего повседневного обихода*. В этой связи заметим, что здесь Выготский затрагивает крайне важный аспект, касающийся самой проблемы выбора евреями своего исторического пути, его философско-психологических и политических оснований. Стоит отметить, что на эту особенность обращал специальное внимание и Мартин Бубер, анализируя проблему выбора в структуре еврейского самосознания: «Структура выбора остается неизменной, как одна из самых существенных, определяющих оснований человеческой жизни, как, может быть, самая существенная потому, что в ней раскрывается таинство первичной раздвоенности и, тем самым, корни и смысл всего духовного вообще... ни в одном человеке структура выбора не обнажалась столь сильно, не была столь господствующей и центральной, как в еврее» [5]. Подчеркнем, что у Выготского субъективное переживание выбора пути у евреев на этапе исторического перелома впоследствии, в его собственно психологических работах, переформулируется как общепсихологическая *проблема выбора*, которая становится, пожалуй, одной из центральных тем в его работах при анализе психологических механизмов произвольного поведения, его формирования в фило- и онтогенезе с помощью использования особых знаковых средств (опосредования). Это один из центральных моментов, определяющих своеобразие культурно-исторического подхода в психологии.

⁴ *У нас выработалась и укоренилась своя философия рабства...* — на наш взгляд, эта оценка явно перекликается с мнением крупнейшего сионистского лидера В. Жаботинского, которое было сформулировано им в программной статье «О Бялик» (1911): «Бялик подходит вплотную к самой печальной, самой малодушной, самой жалкой стороне еврейского упадка: к ассимиляции... Он подходит прямо и непосредственно к самой душе ассимиляции, вскрывает и расчленяет без жалости эту маленькую, съезжившуюся душу — и не находит там ничего, кроме самого глубокого, безграничного из унижений. Что особенно его поразило — это *искренность рабства* (выделено нами. — В.С., Т.К.), рвение и усердие не за страх, а за совесть, вносимое денационализированным евреем в свою барщину; это не просто порабощенный человек, несущий ярмо по принуждению, — это *раб сознательный, раб с увлечением, охотно целующий руку* (выделено нами. — В.С., Т.К.). «Величайшей из казней божиих» называет Бялик эту извращенную черту, эту способность внутреннего приспособления к неправде, это умение «отречься от собственного сердца» [20].

⁵ ...*готовность взойти на костер* — цитата из стихотворения Валерия Брюсова «Поэту» (1907):

Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность взойти на костер[4].

Приведенная расширенная цитата позволяет отметить два важных момента. Во-первых, для Выготского лично неприемлема рабская готовность стать жертвой, что и подтверждает используемая им цитата из стихотворения Брюсова. Кстати заметим, что, возможно, формирование подобной морально-этической позиции связано с пережитыми им еще в детстве (в семилетнем возрасте) событиями еврейского погрома в Гомеле (1903 год), где, пожалуй, впервые в России возникло открытое противостояние еврейского населения погромщикам. Заметим, что это важно для понимания биографии Выготского еще и потому, что одним из руководителей еврейского комитета самообороны в Гомеле был его отец С.Л. Выгодский. Во-вторых (и это не столь очевидно), для Выготского с учетом общего контекста стихотворения, важно и неприятие общей ценностной установки Брюсова, которая связана с требованием лишь *холодного свидетельства* исторических событий. Напротив, для автора статьи принципиальное значение имеют именно личностная включенность в события, активное реагирование на них, самоопределение в ситуации социальной неопределенности.

история того, что с ними делали»⁶. Внутренняя неавтономность, отсутствие своего центра и объединяющего закона превратили ее течение для стороннего наблюдателя в «конгломерат случайностей»: не творческая воля народа изнутри определяла поступательный ход исторического процесса, но события, эту волю подчинившие извне, сообщали движения

еврейству. Одним словом, рабство не только народа, а и его истории.

Все, что было в еврействе активного, восставало против такого положения вещей. Овладеть ходом истории, самим «делать» ее, вернуть ей автономию⁷ — к этому сводятся все требования еврейских политических партий. И если в глазах массы еще так

⁶ ...говорит F. Неман, «редко история актов, а чаще всего история страданий, гораздо меньше история того, что евреи делали, а гораздо больше история того, что с ними делали» — Выготский цитирует фрагмент из основной обобщающей работы Карла Фридриха Хемана (K.F. Neman) «История еврейского народа, начиная с разрушения Иерусалима» (К 608). Помимо этого Хеманом был также написан и ряд других книг, посвященных еврейскому вопросу: «Пробуждение еврейской нации. Путь к окончательному решению еврейского вопроса» (1897); «Историческое и религиозное положение современных евреев» (1885).

Для понимания своеобразия статьи Выготского важно обратить внимание на то, что эта же цитата используется и В.Е. Жаботинским в уже упомянутой выше его известной статье «О Бялике»: «История еврейского народа не должна больше быть тем, чем была до сих пор, то есть «историей того, что другие делали с евреями»: новые евреи хотя бы сами должны делать свою историю, наложить печать своей воли и на свою судьбу, и, в справедливой мере, также на судьбу страны, где они живут» [20]. В этой связи, можно сделать вывод о том, что Выготский при написании своей статьи вступал и в очевидный для современников диалог с В.Е. Жаботинским, выражая свое несогласие с его сионистскими установками. На наш взгляд, это существенно проясняет смысловый и социально-политический контекст данной статьи Выготского.

Наконец, следует добавить, что эта же цитата из работы Хемана встречается и в личных тетрадях Выготского за 1915 год, находящихся в архиве его семьи: «История евреев была не историей того, что евреи делали, а гораздо больше история того, что с ними делали». Политика должна стать нашей религией. Эти слова Фейербаха вы усвоили. Маркс: довольно философы перерасковывали мир, пора взяться за его переустройство. Ваша политика — переустроить еврейство, сообщить ему «суррогат государственности», политически организовать его волю. Вы хотите осуществлять политическое еврейство, но сами вы *устаи поэта* говорите о пыли, прахе еврейства. Его бессилие и безволие — это вся его история» [21, с. 61].

Приведенный фрагмент из рукописной тетради важен, на наш взгляд, по меньшей мере в силу трех обстоятельств. Во-первых, подтверждается значимость для Выготского самого сюжета о *собственной еврейской истории*, которая телеологически задается «изнутри», а не определяется «извне». Кстати заметим, что различие *точек зрения* «извне» и «изнутри» имеет принципиальное значение для работ Выготского этого периода [подробнее см.: 29]. Итак, Выготский еще в 1915 году, за два года до написания комментируемой статьи, активно прорабатывал саму тему национального самоопределения еврейского народа именно как личностно-значимую проблему, проблему собственного самоопределения. Во-вторых, представляется крайне важным характерный для приведенного рукописного фрагмента явно выраженный диалогизм. Об этом, в частности, свидетельствует неоднократно используемое обращение «Вы»: «вы хотите», «вы устаи» и т. п. Все это говорит о своеобразии мышления Выготского как разворачиваемого *диалога* с оппонентом. Подчеркнем, что именно диалогичность рассматривается как основополагающая характеристика *творческого мышления*, на что специально обращал внимание В.С. Библер [2]. Добавим сюда же, и это вполне вероятно, что именно собственный опыт мышления, как развернутого диалога, был специально отрефлексирован и исследован позднее Выготским в его фундаментальной психологической работе «Мышление и речь» (1934). И, наконец, в-третьих, становится понятным, кто для Выготского в его личных тетрадях 1915 года, посвященных еврейству, является основным внутренним оппонентом. Безусловно, это Жаботинский, который рассматривает творчество Н.Х. Бялика как нравственный вызов поэта повседневной практике еврейской жизни, которая пронизана самоуничтожением.

⁷ ...вернуть ей автономию... — следует отметить, что термин автономность, применительно к еврейской проблематике, исходно принято относить к работе Л.С. Пинскера (1821—1891) «Автоэмансипация» («Selbstemanzipation»), которая была опубликована в 1882 году и сыграла важнейшую роль в развитии сионизма. В ней обосновывалась необходимость еврейского самоуправления и невозможность ассимиляции. Пинскер детально обсуждал истоки антисемитизма. При этом он, как врач, определял антисемитизм в медицинских терминах — психоз, психическое расстройство, иррациональная фобия.

Позднее, автономизм как одно из течений в еврейском национальном движении оказался связан с обоснованием возможности еврейского национального существования в диаспоре. При этом предполагалось, что евреи могут образовывать особые национально-культурные общности, деятельность которых соответствует законам тех государств, где они проживают. Теория автономизма была разработана С.М. Дубновым (1860—1941) и сформулирована им в книге «Письма о старом и новом еврействе» (1907). Рассматривая разные стадии национального развития (расовый; территориально-политический; культурно-исторический) Дубнов специально обсуждает культурно-историческую стадию, когда нация консолидируется именно «как духовная нация, живущая в силу стихийной или сознательной воли к жизни» [19].

В идеологическом плане автономисты находились под прицелом жесткой критики, как сионистов, так и ассимиляторов. В этой связи представляет специальный интерес дискуссия относительно появившейся статьи Корнея Чуковского «Евреи и русская литература» (1908), где автор жестко формулировал невозможность полноценного участия еврейских писателей в русской культуре их вторичности. В этой дискуссии участвовали: В.Г. Тан, В. Жаботинский, А. Горнфельд, О.Л. Д'Ор, М. Бугровский, В. Варварин (В.В. Розанов) и др. Обсуждение строилось относительно таких вопросов, как почвенность—беспочвенность; гражданство—патриотизм; интернационализм—космополитизм; стремление еврейской интеллигенции к ассимиляции; взаимоотношение иврита, идиша и русского языка (подробнее об этой дискуссии см.: Е.В. Иванова «Чуковский и Жаботинский» 2005) [22].

Принцип автономности выдвигался как один из основополагающих в политических программах различных еврейских партий того времени. Так, например, в программе Бунда (Всеобщий еврейский союз в Литве, Польше и России), одной из старейших партий левосоциалистической ориентации, декларировалось в качестве целевой установки создание *национально-культурной автономии* и светской системы просвещения. Несмотря на антисионистскую направленность, Бунд выдвинул четыре основополагающих принципа: социализм, секуляризм, идишизм (развитие культуры на языке идиш) и приверженность к месту жительства («там, где мы живем, там наша страна»). Подчеркнем, что буквально через несколько недель после опубликования статьи Выготского, на X Всероссийской конференции Бунда (апрель 1917 года) были сформулированы резолюции: «К национальному вопросу в России», «О национально-культурной автономии», «Об осуществлении национально-культурной автономии», «Об отмене национальных ограничений», «О правах еврейского языка». Как один из основных *принцип автономности* выдвигался и партией СЕРП (Социалистическая еврейская рабочая партия — «сеймовцы» или «сеймисты»), которая стояла на противоположных от Бунда сионистских позициях и выдвигала три принципа: социализм, революционная борьба против самодержавия, территориализм — создание самостоятельного еврейского государства в Палестине. Обсуждая национальный вопрос в России, эта партия стояла на принципах федерализма, необходимости *национально-культурной автономии* (организации здравоохранения, распространения знаний, эмиграции и других вопросов еврейской жизни). *Принцип автономности* отстаивался также и еврейской социал-демократической рабочей партией («Поалей-сион» — рабочие сиона), которая носила явно выраженный сионистский характер и первоначально в своей программе (1906 год) также ориентировалась на создание самостоятельного еврейского государства в Палестине.

недавно пассивное восприятие не нами творимой истории⁸ было наилучшей и самой подходящей из политических систем, то в глазах активного меньшинства это было худшим из порождений рабства.

Иго, тяготевшее над еврейской историей, еще далеко не сброшено, да и вряд ли может в скором времени быть окончательно устранено: слишком глубоко оно коренится в самых основных условиях существования еврейства, в его рассеянии и т. д.⁹ Но в значительной мере все же роковое безволие¹⁰ может быть преодолено в близкие дни: чаяния близки к осуществлению. Русское еврейство самым ходом событий поставлено перед близким обнаружением и выявлением народной воли¹¹: ею будет возвращена та относительная свобода, которая сделает ее сознательные выражения и проявления

одной из движущихся сил истории. Надлежит поэтому вздуматься в существо и значение этого факта, ибо в нем центр и значение всего совершающегося в жизни еврейства переворота. В некоторой части еврейство перестает быть парализованным, восстанавливается некая дробь народной воли¹², делается первый шаг.

Мы сейчас стоим у порога всего этого — на повороте еврейской истории.

Сознание современности и условия исторической жизни в этот момент обусловили то, что этот переворот отливается исключительно в формы политические. По существу же он охватывает гораздо больше — не только стихию политики, но и всю стихию еврейской истории. И едва ли поэтому он может ограничиться одной политикой — начавшись в ее плане, он пересекает иные планы

⁸ ...пассивное восприятие не нами творимой истории... — фраза является незаковыченной в тексте статьи Выготского цитатой из уже упоминавшейся работы В. Жаботинского «О Бялик». Чтобы реконструировать контекст, приведем ее расширенный фрагмент: «... пережитки традиционной пассивности еще глубоко сидели в массовой душе; мятежники или мечтатели всех толков, <...> в сущности, не имели прочных корней в настоящей, почвенной, цельной еврейской массе <...> они были и оставались сами по себе, а масса — сама по себе, и в ее глазах *пассивное восприятие не нами творимой истории* было по-прежнему наилучшей и самой подходящей из политических систем. В Кишиневе (имеется в виду Кишиневский погром 1903 года — В.С., Т.К.) история подвергла перерождающееся гетто большому испытанию, страшному экзамену на зрелость. И перерождающееся гетто провалилось на испытании, жалостно, постыдно и ужасно. Его дети оказались еще не подготовленными к открытой борьбе; у них еще не нашлось ни отваги для отпора, ни гордости для того, чтобы скрестить руки и ждать смерти на пороге своего дома... Смутное чувство, сложное, непонятное, овладело при вести о Кишиневе всеми еврейскими сердцами в огромной России. Это не было простое чувство горя. В глубине этого чувства таилось еще что-то глужее, мучительное, что-то такое, из-за чего почти забывалась самая скорбь — и чего никто все же не мог назвать. Тогда Бялик ... открыл им, что это за чувство, имени которого они не знают. Это был — позор» [20].

Таким образом, весь сюжет второго, третьего и четвертого абзацев статьи «Avodim hoinu» (см. также наши комментарии 4, 6, 7) Выготский обрамляет содержательной рамкой, касающейся проблемы «рабства» еврейского народа. При этом эмоциональной доминантой переживания этого рабства выступает *чувство позора*, которое подчеркивает Жаботинский, обсуждая поэзию Х.Н. Бялика.

По сути, эта часть статьи написана как диалог с Жаботинским, как неявный спор с ним, с его позицией оправдания политической программы сионизма. И в подтверждение этого нашего тезиса в рукописной тетради Выготского, хранящейся в семейном архиве, мы встречаем: «... вы хотите повернуть вспять колесо еврейской истории, исправить историческую ошибку, начать с начала, разумно, самим строить свою жизнь?» [21, с. 60].

Заметим, что обсуждаемый Выготским вопрос не потерял своей актуальности и сегодня. Исторически он не имеет однозначного решения. Самостоятельное Еврейское государство существует, но существует и жизнь евреев в диаспоре.

⁹ ...в самых основных условиях существования еврейства, в его рассеянии и т. д. — здесь Выготский неявно затрагивает вопросы, широко обсуждаемые в то время по поводу альтернатив развития еврейства в России: ассимиляция, национальный федерализм или сионизм. Причем их касались не только евреи, но и представители русской культуры. Так, например, В.В. Розанов подчеркивал, что своеобразие евреев и заключается в их рассеянии, жизни в галуте. Здесь они на родине: «Потеря своей родины — это и есть подлинная и родная история Израиля ... в рассеянии их призвание, в рассеянии их спасение (выделено нами. — В.С., Т.К.)» [26]. Это, по мнению Розанова, проявляется и в национальной идеологии и характеризует особый психологический тип еврея.

¹⁰ ...роковое безволие — здесь Выготский неявно отсылает читателя к идее Дубнова о стадиях национального развития, когда обнаружение духовных истоков проявляет *волю к жизни*, позволяя перейти на следующей уровень национального развития — культурно-исторический (подробнее см. коммент. 7).

Заметим, что вопроса о потере национальной воли при обсуждении истории еврейского народа Выготский также касается и в своих двух предыдущих статьях данного цикла: «Граурные строки» и «Мысли и настроения» [9; 10]. Однако если в этих статьях основной акцент ставился на сопоставлении *настоящего* и *прошлого*, то здесь задается совершенно иной ракурс рассмотрения: обсуждается *настоящее* и *будущее* еврейской жизни.

¹¹ ...выявлением народной воли... — Выготский намечает важный аспект, касающийся волевого поведения, а именно — *соотношения сознания и воли*. Причем здесь затрагивается особый, крайне важный аспект сознания — его интенциональность. Другими словами, необходимо выявить «те чаяния», потребности народа, которые могут быть артикулированы как сознательные целевые ориентиры проявления народной воли. Заметим, что в предыдущей статье этого цикла «Мысли и настроения» [10] Выготским обсуждался вопрос о *соотношении сознания и переживания*.

Таким образом, уже в своих ранних статьях, посвященных сопоставлению еврейской истории и современности, Выготский намечает собственно психологические сюжеты. Добавим, что проблема соотношения воли, сознания и переживания в структуре поведения уже подробно анализировалась им за год до этого, при написании «Этюда о Гамлете», где центральной темой выступает анализ природы *безволия* главного героя [8]. В данной же статье эта тема прорабатывается не как проблема индивидуального сознания, а как важнейшая особенность общественного сознания; проблема массовой психологии. Для понимания истоков культурно-исторической психологии этот аспект крайне важен, поскольку позволяет говорить о своеобразии Выготского как исследователя, когда общие теоретические положения оказываются глубоко внутренне пережитыми и наполненными личностным смыслом.

Добавим, что в последующих фундаментальных психологических работах проблема единства аффекта и интеллекта, а также волевого поведения будут у Выготского одними из центральных.

¹² ...восстанавливается некая дробь народной воли... — понимание этой фразы не очевидно. Скорее всего, здесь Выготский, как выпускник юридического факультета Московского университета, имеет в виду популярную в те годы работу Н.М. Коркунова «Пропорциональные выборы» (1896). В ней автор обсуждает социально-политический аспект выборной системы, отмечая, что: «Избранные по большинству представители являются выразителями интересов не всех, а только части избирателей... чтобы узнать интерес какой части избирателей выражает в действительности решение большинства, надо *дробь*, выражающую выборное большинство, помножить на *дробь* (выделено нами. — В.С., Т.К.), выражающую решившее большинство» [24]. Таким образом, Выготский подчеркивает необходимость учета сложной социально-экономической и культурной дифференциации еврейского населения в России, а также потребностей разных групп при принятии политических решений по национальному вопросу.

нашей действительности. Поэтому первая задача народной мысли заключается в том, чтобы строго ограничить сферу законного господства политики от той сферы, куда она не должна проникать¹³. Еврейская масса политически почти не жила уже много веков. К чему же ведут ее политические партии? В основе национальной стороны всех их учений лежит позитивный национализм. Три теоретических начала составляют его: национализм, автономизм и секуляризация еврейской национальной идеи¹⁴. В разной мере эти три начала проникают программы и теории разных партий, но в самом существенном определяют и те и другие. Это то общее им всем, что может быть вынесено за скобки, тот общий множитель, который, несомненно, будет выдвинут в объединенном выступлении этих партий, представляющих народ, вовне¹⁵. Здесь не место подвергать теоретическому рассмотрению эти начала, но в самых общих словах здесь может быть намечена и поставлена проблема.

Народ больше, чем партия; история — чем политика, религия и миропонимание — чем программа. Никогда нельзя народную жизнь строить на основах позитивизма и рационализма: «на началах науки не устраивался еще ни один народ в мире»¹⁶. Проблема самого исторического бытия, как и проблема народного сознания, народной культуры — суть проблемы не политические. Когда одна из партий формулировала свои идеалы в словах «партия — народ» и «народ — партия» — она выразила самую сущность партийных домогательств: обратить на-

род в организованную политическую партию, спаянную единой программной целью, подчиняющейся единой партийной дисциплине. И точно: не это ли есть идеал — видеть всех евреев бундовцами, сеймовцами, сионистами?¹⁷ Идеал, по существу неверный. Народная душа не укладывается и не уместается в рамки исповеданий и убеждений. Все те, кто чувствуют себя и живут евреями, не потому, что «хотят быть евреями» (формула национализма), но остаются евреями столь же необъяснимо, как остаются каждый миг самим собой¹⁸ — все те своим внутренним опытом знают, что народная воля не создается декретами, указами и организациями, как культура не создается планомерными усилиями партий, как народ не создается по рецепту национализма. Все это может только затруднить или облегчить выявление, обнаружение народной воли, придать ей соответствующую форму — и ни на волос больше. Народная воля действовала и прежде невидимо и неосознано, но таинственно и властно — в миллионах отдельных евреев, которые, не сговариваясь, знали одно и то же, в миллионах событий и дел. Воля не дается народу дарованием ему персональной или территориальной автономии. Поэтому жизненна только та еврейская политика, которая направлена не к созданию, но к истинному выявлению еврейской народной воли, которая подчинена истории¹⁹. Автономизм есть пустое слово, если он сам не опирается на живую волю народа: политика должна подчиниться народной воле, а не подчинить ее. Есть своя законная сфера господства у поли-

¹³ ...чтобы строго ограничить сферу законного господства политики от той сферы, куда она не должна проникать — здесь Выготский определяет новую содержательную тему, которая и обсуждается в дальнейшем: соотношение политики и других сфер национально-культурной жизни. Заметим, что это не только тематический поворот в статье, но и выявление новой содержательной проблемы, определяющей общую мировоззренческую позицию автора. Сопоставление политики и других сфер жизни (точнее, проникновение политики из другой сферы жизни, их политизация) — вопрос крайне актуальный и для реалий современной России.

¹⁴ ...национализм, автономизм и секуляризация еврейской национальной идеи — подробнее см. комментарий 7.

¹⁵ ...представляющих народ, вовне... — здесь, скорее всего, имеется в виду политическая компания подготовки к выборам в Учредительное собрание, которые, в связи с отречением Николая II, были первоначально намечены на сентябрь 1917 года; после этого Временное правительство должно было сложить свои полномочия.

¹⁶ ...на началах науки не устраивался еще ни один народ в мире... — не совсем точная цитата Ф.М. Достоевского, отсылающая читателя к его роману «Бесы» (разговор Ставрогина и Шатова): «...ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой ином, повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. (...) Никогда еще не было народа без религии, то-есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать» [18].

¹⁷ ...видеть всех евреев бундовцами, сеймовцами, сионистами — Выготский перечисляет представителей наиболее значимых еврейских партий: Бунд, СЕРП (сеймисты), Паолей-цйон (сионисты). Подробнее см. комментарий 7.

¹⁸ ...те, кто чувствуют себя и живут евреями, не потому, что «хотят быть евреями» (формула национализма), но остаются евреями столь же необъяснимо, как остаются каждый миг самим собой — это мысль в более развернутом виде представлена в рукописной тетради Выготского, хранящейся в архиве его семьи (тетрадь № IV за 1915 год). Приведем соответствующий фрагмент: «То, что я еврей — это дается мне внутренними мистическими переживаниями, корнями уходящими в глубь веков, невидимыми нитями связанными со сверхразумной и сверхсознательной жизнью народной души в ее прошлом и настоящем — это дается мне внутренней «скорбной складкой души, печатью Бога живого» — и я всегда испытываю и ощущаю, что я «запечатленный», я — еврей! «Нация есть историческое в нас (Historische in uns), <...> историческое в нас — есть национальное в нас, — говорит Отто Бауэр, — нация проявляется в национальности каждого соплеменника, это значит, что характер (склад души. — Л.В.) каждого соплеменника определяется судьбой всех соплеменников, пережитой сообще в процессе постоянного взаимодействия». Вот почему, я — еврей: не потому что я *хочу* быть таковым — я не националист, не в силу своей воли; я — еврей — это самое таинственное, необъяснимое и загадочное, как то, что я есть я, абсолютно иррациональное. «Мы понимаем нацию как процесс», — говорит он дальше. Это чрезвычайно важно: нация не есть только теперешние евреи, но это есть исторический процесс — бытия всех когда-либо бывших и будущих евреев — все связаны воедино в один узел — народную душу. Тогда понятие еврейства сливается с понятием еврейской истории» [21, с. 37].

По этим записям видно, что проблема национальной самоидентификации для Выготского весьма остро стояла уже за два года до написания данной статьи. Причем, национальная идентичность переживалась и осмысливалась им как особое иррациональное чувство, которое отличается от позитивного рационального национализма, рассматривающего национальную проблему исключительно в политической плоскости. Важно еще раз подчеркнуть, что национальная самоидентификация для девятнадцатилетнего Выготского (тетрадь 1915 года) в самой своей основе связана с особым переживанием истории своего народа. И именно это исходное понимание продолжает последовательно прорабатываться и углубляться в его статьях, публикуемых в еженедельнике «Новый путь» в 1917 году.

¹⁹ ...к истинному выявлению еврейской народной воли, которая подчинена истории... — эта мысль близка к сформулированной ранее идеи С.М. Дубнова (1907) при его подходе к анализу исторического развития нации (см. коммент. 7). Она принципиально важна не толь-

тики и у позитивного национализма: в учредительное собрание и в своды законов нельзя идти ни с чем иным, как с позитивным и рационалистическим. Освобождение и исход — сулят восполнить круг народной жизни сектором политики. Но даже позитивный национализм формулирует: «нация есть историческое в нас»²⁰.

...В эти дни освобождения, озаренные отблеском великого Исхода, когда творится живая *hagodo*²¹, —

в эти дни больше, чем когда-либо, мы знаем, что проблема народной воли есть в то же время проблема народного сознания. Глубокий декаданс²², пережитый еврейством, должен смениться ренессансом²¹ народного сознания: только тогда оживет народная воля.

Л.С. Выгодский

ко для понимания этой статьи, но и для характеристики своеобразия культурно-исторического подхода Выготского, который будет реализован в его последующих психологических работах. История — не столько *взгляд в прошлое* с позиции настоящего, сколько присутствующий в сегодняшнем дне *образ будущего*; прошлое — полагание будущего. Это важно для прояснения именно тех ценностных оснований, которые являются определяющими для развиваемого Выготским направления в психологии. Особенно отчетливо подобное понимание значения прошлого проявляется при обсуждении одного из центральных вопросов его концепции: о соотношении онтогенеза и филогенеза психического развития. Новое нельзя проектировать на пустом месте, «с чистого листа». Оно требует учета предыдущих этапов; их органического включения (путем проживания/переживания), как определяющих в общей логике перспективного плана развития.

Кстати, своеобразии соотношения «прошлое—настоящее—будущее» важно также иметь в виду и для понимания биографии самого Выготского, особенностей его личностного самоопределения в период перед Октябрьской революцией. Действительно, ближайшие политические события во главу угла выдвинут совершенно иной политический лозунг: «...весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем, мы наш, мы новый мир построим...». В этой фразе, повторимся, все и начинается с «чистого листа». Для Выготского же, напротив, новое, — продолжение истории; особое *переживание прошлого*.

По сути дела, в своих статьях по еврейскому вопросу — о национальном самоопределении Выготский продолжает линию размышлений, начатых им незадолго до этого в своем разборе Шекспировской трагедии «О Гамлете», где одной из центральных тем анализа оказывается фраза: «порвалась связь времен». Именно она и задает исходную проблемную ситуацию трагедии, которую Выготский подробно разбирает.

²⁰ «...нация есть историческое в нас» — Выготский ссылается на работу Отто Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия» (1908). На русском языке опубликована в Санкт-Петербурге (1909) в издательстве «Серп», принадлежавшем Социалистической еврейской рабочей партии.

Отто Бауэр (Bauer) (1881—1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, идеолог австромарксизма. Как теоретик прославился своей теорией культурно-национальной автономии, выступал с идеями социальной демократии, «революции с избирательным бюллетенем».

В работе, которую цитирует Выготский, Бауэр обсуждает следующие темы: национальный характер, естественная общность и культурная общность, понятие нации, национальное сознание и национальное чувство, критика национальных ценностей, национальная политика, принцип национальности, национальное государство. Цитируемая Выготским фраза использовалась Бауэром в следующем контексте: «... материалистическое понимание истории, подготовленное, с одной стороны, дарвинизмом, а с другой — исторической наукой, объясняющей процесс исторической жизни, а стало быть, и процесс образования нации, не свойствами какого-то народного духа, а фактами экономического развития в состоянии объяснить нацию как никогда не завершающийся продукт беспрерывно развивающегося процесса, последней движущей силой которого являются условия борьбы человека с природой, развитие производительных сил, изменения в отношениях труда. С этой точки зрения, нация есть историческое в нас (*Historische in uns*). В индивидуальном своеобразии, связывающем каждого индивидуума со всеми остальными индивидуумами его народа в национальную общность, осела история его (естественных и культурных) предков, его характер, это — кристаллизованная история (*erstarrte Geschicht-te\ kristallisierte Geschichte*). Общность национального характера мы составляем потому, что личные особенности, индивидуальность каждого из нас сложились в борьбе за существование предшествующих общностей» [1].

Приведенный отрывок отчетливо показывает, что Отто Бауэр пытается трактовать национальность с материалистических позиций в логике марксистского подхода. С нашей точки зрения, это важно, поскольку позволяет предположить, что начальный этап знакомства Выготского с марксизмом был связан именно с его интересом к национальной проблематике и попыткой осмысления еврейского вопроса в историческом ключе.

²¹ «...озаренные отблеском великого Исхода, когда творится живая *hagodo* — здесь Выготский возвращается к теме пасхальной Агады (см. коммент 1), неявно отсылая читателя к фразе *Avodim hoinu* (рабами были мы), которая была взята в качестве названия статьи. Таким образом, как мы уже отмечали ранее (Собкин: 1981—2015; Собкин, Климова: 28; 29; 30; 31; 32; 33). Выготский использует традиционный для своих работ прием оформления текста своеобразной *рамкой*, объединяющей его начало и конец. Причем здесь следует обратить внимание на то, что это не только формальный прием построения текста, а именно способ выстраивания своеобразных содержательных отношений между автором и читателем. Тем самым Выготский, по сути, приглашает своего читателя к совместному участию в Пасхальной Агаде. Эта жанровая особенность и придает *голосу автора* статьи особую эмоциональную тональность, соответствующую данному празднику. Именно ее и важно услышать читателю для понимания личностно-смысловой позиции автора статьи по отношению к еврейскому вопросу.

²² «...Глубокий декаданс, пережитый еврейством, должен смениться ренессансом народного сознания: только тогда оживет народная воля — завершая статью, Выготский противопоставляет *декаданс* и *ренессанс*. Иными словами, усталость от традиционных моральных устоев, настроение безнадежности противопоставляются чувству возрождения, основанному на ценности личности, свободы и активного созидания. В этой связи следует подчеркнуть, что использование принципа диалектического противопоставления, стремление к поиску противоречий являются ключевым моментом, характеризующим особенность мышления Выготского в его разнообразных работах: художественной критике, публицистике, научных трудах.

Помимо этого, здесь стоит обратить внимание на два момента. Один касается неявного диалога с Ф. Ницше, который в работе «Казус Вагнер» характеризовал *декаданс* как современный упадок, как «оскудевшую жизнь, волю к концу, великую усталость». Выготский же, напротив, противопоставляет *воле к концу, волю к будущему*, именно как ключевую особенность нового ренессанса, национального еврейского возрождения. Другой момент затрагивает вопрос о соотношении *сознания* и *воли*, которого Выготский будет позднее неоднократно касаться в своих исследованиях по психологии. Проблема волевого усилия состоит в разрешении противоречия между двумя противоположными *жизненными ценностными ориентациями*. Собственно говоря, эта тема так и разворачивается у Ницше в его работе «Казус Вагнер»: «...высвобождение противоположных ценностей». Однако Выготский усложняет культурологическую проблему ценностных различий, переводя ее рассмотрение в социально-психологическую плоскость: воля им понимается именно как *целевое усилие*, определенно-направленная энергия. Для того, чтобы совершить волевое действие на новом историческом витке, надо особым образом освоить, «оседлать» (опосредовать) аффективно-волевою энергиею прошлого, а это и означает особым образом пережить исторический опыт. По сути дела, этому и посвящена настоящая статья о праздновании еврейской Пасхи.

Литература

References

1. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / Нации и национализм // Б. Андерсмон, О. Бауэр, Н. Хрох и др.; перевод с англ. и нем. М.: Практикс. 2002. 2016 с. С. 52–121.
2. Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога). Москва: Политиздат. 1975. 399 с.
3. Библия. Книги Священного писания, Ветхого и Нового Завета (канонические). Москва: Рос. библ. общ. 2012. 1248 с.
4. Брюсов В. Избранное: Стихотворения, лирические поэмы. Москва: Московский рабочий. 1979. 288 с.
5. Бубер М. Два образа веры. М., 1995. 464 с.
6. Бялик Х.Н. Стихи и поэмы. Тель-Авив: ДВИР, 1964. 144 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт. 1999. 352 с.
8. Выготский Л.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Драматургия и театр. Москва: Левъ. 2016. 752 с.
9. Выготский Л.С. Траурные строки (День 9 ава) // Новый путь. 1916. № 27.
10. Выготский Л.С. Мысли и настроения // Новый путь. 1916. № 48–49.
11. Выготский Л.С. На улицах Москвы (впечатления) // Новый путь. 1917. № 9–10.
12. Выготский Л.С. Avodim hoinu // Новый путь. 1917. № 11–12.
13. Выготский Л.С. Гомель. Выборы в городскую думу // Новый путь. 1917. № 24–25.
14. Выготский Л.С. Гомель. Конференция с.-д. // Новый путь. 1917. № 29.
15. Выготский Л.С. Провинциальные заметки // Новый путь. 1917. № 29.
16. Выготский Л.С. Л.О. Гордон (К 25-летию со дня смерти) // Новый путь. 1917. № 30.
17. Добкин С.Ф. Л.С. Выготский: Начало пути. (Воспоминания С.Ф. Добкина о Льве Выготском. Ранние статьи Л.С. Выготского). Иерусалим: Иерусалимский издательский центр, 1996. 106 с.
18. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Бесы. Ленинград: Наука. 1990. 848 с.
19. Дубнов С.М. Письма о старом и новом еврействе. [Электронный ресурс]. URL: <http://eleven.co.il/article/10052> (дата обращения: 10.02.2018).
20. Жаботинский В.Е. Введение [Электронный ресурс] // Бялик Х.Н. Песни и поэмы. СПб., 1911. URL: <http://www.rulit.me/books/o-byalike-read-288763-1.html> (дата обращения: 10.02.2018).
21. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Е.Ю. Завершневой и Р. ван дер Веера. М.: Канон+. 2017. 608 с.
22. Иванова Е.В. Чуковский и Жаботинский / Москва-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим. 2005. 228 с. // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 (дата обращения: 10.02.2018).
23. Лифанова Т.М. Полная библиография трудов Льва Семеновича Выготского // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 137–157.
24. Коркунов Н.М. Пропорциональные выборы [Электронный ресурс]. URL: <http://samzan.ru/106933> (дата обращения: 10.02.2018).
25. Маор Ицхак. Сионистское движение в России. Библиотека Алии. 1977. 450 с.
1. Bauer O. Natsional'nyi vopros i sotsial-demokratiya [The National Question and Social Democracy]. Andersmon F. (eds.), *Natsii i nat.* Moscow: Praxis, 2002, 2016 p.
2. Bibler V.S. Myshlenie kak tvorchestvo. (Vvedenie v logiku myslennogo dialoga) [Thinking like creativity (Introduction to the logic of a mental dialogue)]. Moscow: Politizdat, 1975. 399 p.
3. Bibliya [The Bible]. Knigi Svyashchennogo pisaniya, Vetkhogo i Novogo Zaveta (kanonicheskie) [Books of the Holy Scriptures, Old and New Testament (canonical)]. Moscow: Rosiyskoe bibliograficheskoe obschestvo, 2012. 1248 p.
4. Bryusov V. Izbrannoe: Stikhotvoreniya, liricheskie poetry [My Favorites, poems]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1979. 288 p.
5. Buber M. Dva obraza very [Two ways of faith]. Moscow: 1995, 464 p.
6. Byalik Kh. N. Stikhi i poetry [Poems]. Tel'-Aviv: DVIR, 1964. 144 p.
7. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]. Edition 5, Moscow: Labirint, 1999. 352 p.
8. Vygotskii L.S. Polnoe sobranie sochinenii. V 16 t. T. 1. Dramaturgiya i teatr [Collected Works: in 16 v. Vol. 1. Dramaturgy and theater]. Moscow: Lev", 2016. 752 p.
9. Vygotskii L.S. Traurnye stroki (Den' 9 ava) [Funeral lines (day 9 av)]. *Novyi put'* [NewWay], 1916, no. 27.
10. Vygotskii L.S. Mysli i nastroeniya [Thoughts and moods]. *Novyi put'* [NewWay], 1916, no. 48–49.
11. Vygotskii L.S. Na ulitsakh Moskvyy (vpechatleniya) [On the streets of Moscow (impressions)]. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 9–10.
12. Vygotskii L.S. Avodim hoinu. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 11–12.
13. Vygotskii L.S. Gomet'. Vybornye v gorodskuyu dumu [Elections to the City Duma]. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 24–25.
14. Vygotskii L.S. Gomet'. Konferentsiya s.-d. [Gomel. Conference of Social-Democrats]. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 29.
15. Vygotskii L.S. Provintsial'nye zametki [Provincial notes]. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 29.
16. Vygotskii L.S. L.O. Gordon (K 25-letiyu sodnya smerti) [L.O. Gordon (To the 25-th anniversary of the death)]. *Novyi put'* [NewWay], 1917, no. 30.
17. Dobkin S.F. L.S. Vygotskii: Nachalo puti. (Vospominaniya S.F. Dobkina o L'VeVygotskom. Rannie stat'i L.S. Vygotskogo) [L.S. Vygotsky: Beginning of the Way (Memoirs of SF Dobkin on Leo Vygotsky: Early Articles by Vygotsky)]. Ierusalim: Ierusalimskii izdatel'skii tsentr, 1996, 106 p.
18. Dostoevskii F.M. Sobraenie sochinenii. V 15 t. T. 7. Besy. [Collected Works: in 15 vol. Vol. 7. The demons]. Leningrad: Nauka, 1990, 848 p.
19. Dubnov S.M. Pis'ma o starom i novom evreistve. [Elektronnyi resurs] [Letters on the Old and New Jewry]. Available at: URL: <http://eleven.co.il/article/10052> (Accessed 10.02.2018).
20. Zhabotinskii V.E. Vvedenie. *Byalik X.N. Pesni i poetry* [Byalik X.N. Songs and poems]. Saint-Petersburg, 1911. [Elektronnyi resurs]. Available at: URL: <http://www.rulit.me/books/o-byalike-read-288763-1.html> (Accessed 10.02.2018).
21. Zavershnevoi E. Yu. i R. vander Veera (eds.). Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks L.S. Vygotsky. My Favorites]. Moscow: Kanon+, 2017, 608 p.
22. Ivanova E.V. Chukovskii i Zhabotinskii [Elektronnyi

26. Розанов В.В. Пестрые темы [Электронный ресурс]. Москва-Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2005. 228 с. // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 (дата обращения: 10.02.2018).
27. Собкин В.С. К исследованию поэтики текстов Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 143—145.
28. Собкин В.С., Климова Т.А. Комментарий к неизвестному репортажу Л.С. Выготского: впечатления о Февральской революции // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 88—101.
29. Собкин В.С., Климова Т.А. Комментарии к неизвестному фельетону Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2017. № 5. С. 125—138.
30. Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого // Национальный психологический журнал. 2016. № 3 (23). С. 20—31. doi: 10.11621/npj.2016.0303
31. Собкин В.С., Климова Т.А. Неизвестный Выготский: об опыте перевода с древнееврейского // Вопросы психологии. 2016 (6). № 4. С. 76—95.
32. Собкин В.С., Климова Т.А. «Траурные строки»: к вопросу о национально-культурном самоопределении Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2017. № 2. С. 4—12. doi: 10.17759/chp.2017.130201
33. Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский о радости и скорби (комментарий к статье «Мысли и настроения») // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 71—82. doi:10.17759/chp.2017.130309
34. Собкин В.С., Леонтьев Д.А. Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 4. С. 35—44.
35. Собкин В.С., Мазанова В.С. Комментарии к «Театральным заметкам» Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. № 3. С. 82—96.
- resurs] [Chukovsky and Zhabotinsky]. Moscow-Ierusalim: Mosty kul'tury — Gesharim, 2005. 228p. *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [*Digital Library RoyalLib.com*]. URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 (Accessed 10.02.2018).
23. Lifanova T.M. Polnaya bibliografiya trudov L'va Semenovicha Vygotskogo [A complete bibliography of the works of Lev Semenovich Vygotsky]. *Voprosy psikhologii* [*Psychology questions*], 1996, no. 5, pp. 137—157.
24. Korkunov N.M. Proportsional'nye vybory. [Proportional elections]. [Elektronnyi resurs]. Available at: URL: <http://samzan.ru/106933> (Accessed 10.02.2018).
25. Maor Itskhak. Sionistskoe dvizhenie v Rossii. [The Zionist Movement in Russia]. Biblioteka Alii, 1977. 450 p.
26. Rozanov V.V. Pestrye temy [Elektronnyi resurs] [Motley Themes]. Moscow-Ierusalim: Mosty kul'tury — Gesharim, 2005. 228p. *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [*Digital Library RoyalLib.com*]. URL: https://royallib.com/read/ivanova_evgeniya/chig_chukovskiy_i_gabotinskiy.html#560174 (Accessed 10.02.2018).
27. Sobkin V.S. K issledovaniyu poetiki tekstov L.S. Vygotskogo [To the study of the poetics of texts L.S. Vygotsky]. *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [*Scientific creativity L.S. Vygotsky and modern psychology*]. Moscow, 1981, pp. 143—145.
28. Sobkin V.S., Klimova T.A. Kommentarii k neizvestnomu reportazu L.S. Vygotskogo: vpechatleniya o Fevral'skoi revolyutsii [Commentary on an unknown report by L.S. Vygotsky: Impressions of the February Revolution]. *Voprosy psikhologii* [*Psychology questions*], 2016 (a), no. 5, pp. 88—101.
29. Sobkin V.S., Klimova T.A. Kommentarii k neizvestnomu fel'etonu L.S. Vygotskogo [Commentary on an unknown feuilleton by L.S. Vygotsky]. *Voprosy psikhologii* [*Psychology questions*], 2017, no. 5, pp. 125—138.
30. Sobkin V.S., Klimova T.A. Lev Vygotskii mezhdv dvukh revolyutsii: k voprosu o politicheskom samoopredelenii ucheno go [Lev Vygotsky between two revolutions: to the question of the political self-determination of the scientist]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [*National psychological magazine*], 2016, no. 3 (23), pp. 20—31. doi: 10.11621/npj.2016.0303
31. Sobkin V.S., Klimova T.A. Neizvestnyi Vygotskii: ob opyte perevoda s drevneevreiskogo [Unknown Vygotsky: the experience of translation from the Hebrew]. *Voprosy psikhologii* [*Psychology questions*], 2016, no. 4, pp. 76—95.
32. Sobkin V.S., Klimova T.A. «Traurnye stroki»: k voprosu o natsional'no-kul'turnom samoopredelenii L.S. Vygotskogo [“Funeral strings”: to the question of national-cultural self-determination L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural and historical psychology*], 2017, no. 2, pp. 4—12. doi: 10.17759/chp.2017.130201
33. Sobkin V.S., Klimova T.A. Lev Vygotskii o radosti i skorbi (kommentarii k stat'e «Mysli i nastroyeniya») [Lev Vygotsky: about joy and sorrow (comments on the article “Thoughts and moods”)]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural and historical psychology*], 2017. Vol. 13. no. 3, pp. 71—82. doi:10.17759/chp.2017.130309
34. Sobkin V.S., Leont'ev D.A. Psikhologiya iskusstva i psikhologicheskaya metodologiya v rannikh rabotakh L.S. Vygotskogo [Psychology of art and psychological methodology in the early works of L.S. Vygotsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14. Psikhologiya* [*Bulletin of the Moscow university. Series 14. Psychology*], 1994, no. 4, pp. 35—44.
35. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Kommentarii k «Teatral'nym zametkam» L.S. Vygotskogo [Commentary on the “Theatrical's notes” by L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [*Cultural and historical psychology*], 2014 (b), no. 3, pp. 82—96. (In Russ., abstr. in Engl.).